

ДОМ

Исповедь Идиота 2

Избранное

18+

ДОМ

Исповедь Идиота 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

ДОМ

Исповедь Идиота 2 / ДОМ — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Во всей моей гепталогии «Исповедь Идиота» я постоянно задаюсь вопросами: «Что с нами происходит и куда мы идём?» Так как при написании этого сборника рассказов мной были отключены все источники массовой информации, то в нём выражено именно моё видение происходящего вокруг нас, и я его назвал «Заблудшие души». Если вы ищете книгу, где можно от души посмеяться и погрузить, то «Исповедь Идиота 2» написана именно для Вас.

© ДОМ, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Велосипедист	5
Просто «Кино»	8
Шутка	10
Проповедник	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ДОМ

Исповедь Идиота 2

Предисловие

О себе

Я перестал писать рассказы о животных только лишь из-за того, что они так и не научились их читать.

О России

Россия становится страной писателей, все постоянно что-то пишут. Кто-то пишет сообщения, заявления, отчёты, диктанты, доклады, приказы, указы <...>, а кто-то даже кляузы. И только лишь некоторые из них об этом пишут книги.

О эволюции слова «Идиот»

Сейчас многие в дискуссиях говорят и пишут об обидном слове «идиот», сказанному в чей-либо адрес. Я тоже решил не стоять в стороне и немного порассуждать на эту тему, ведь у меня же «Исповедь», а я «Идиот».

В Древней Греции «Идиотом» называли того, кто не ходил на общественные собрания и вёл независимую частную жизнь.

Но так как обособленный образ существования таких людей не устраивал власть держащих, то в Древнем Риме это слово стало нарицательным и им стали называть невежд.

С XVIII века в медицине так называли пациентов с серьёзными умственными отклонениями. Сейчас в России идиотами называют дураков и тупиц.

Но возможно скоро словами дурак, предатель, вор, мерзавец, маразматик люди будут выражать своё восхищение кем-либо? Кто его знает, ведь всё вокруг относительно, а этот мир так изменчив.

Так что, господа, поторопитесь на всякий случай занять за мной очередь.

ДОМ

Велосипедист

Николай Петрович Шумахов был по жизни правильным человеком. Совершая, как ему казалось, правильные поступки да произнося правильные речи, он считал себя гражданином с твёрдыми жизненными позициями, принципами и убеждениями. Короче говоря, он считал себя умным и целеустремлённым – другие почему-то считали его хитрым и упрямым.

В связи с тем, что наш герой был военным отставником, а дома он постоянно натёкался на сплошное непонимание, то на гражданскую работу он ходил с большим удовольствием. Там он мог не только расслабиться, но и своими навязчивыми речами целыми днями безнаказанно выносить коллегам мозги.

Для начальства Николай Петрович был «ниже травы и тише воды», но когда он приходил с работы домой, от него доставалось всем: не только его домочадцам, но и даже правительству.

У него было два основных пристрастия – это огород, где он разводил живность и старенький китайский велосипед, который он любя называл «Драконом». Поскольку на велосипеде вся его энергия и весь интеллект передавались только педалям, то в промежутках между ездой он все свои неизрасходованные силы тратил на упрямое навязывание окружающим своих жизненных принципов и убеждений.

Знающие эту слабость, завидев Николая Петровича издалека, не только старались обойти упряма стороной, но и даже убегали от него прочь. Тогда на него наваливалась тоска и проявлялось его третье пристрастие – это непреодолимое желание выпить.

Так не один раз, возвращаясь с огорода под «мухой», падая с велосипеда и разбиваясь до потери памяти, наш герой снова садился за руль. Правда, иногда тот же велосипед, который он неоднократно пытался, сокращая путь, перебросить через высоченный забор военной части и который почему-то тут же возвращался обратно упряму на голову, выручал – постепенно восстанавливал ему потерянную память. Может фамилия нашего героя, созвучная с фамилией великого гонщика Шумахера, вводила её обладателя в заблуждение о высоком его предназначении, но нам сейчас этого не понять.

Иногда события подсказывали, что ему надо срочно что-то менять в жизни, но он стойко шёл своим проторенным путём. Даже случай, когда в одну из пятниц хорошо отметив круглую дату своего давнего знакомого, он на выходные оказался заперт со своим «Драконом» в обесчеченном подвальном помещении ЖКУ, так как лёг там «отдохнуть» и был забыт собутыльниками, не свернул упряма с пути, а наоборот, утвердил уверенность в незыблемости своих убеждений.

Считая себя жертвой чей-то халатности, то недоразумение он потом преподносил как испытание на стойкость, выносливость и даже героизм. Хотя после этого случая наш герой три месяца спиртного в рот не брал, видимо с испугу, что оказался на «том свете».

Не имея высокого образования, Николай Петрович полностью полагался на средства массовой информации, свой жизненный опыт и интуицию, которых, как он считал, у него сполна.

Приезжая вечером с огорода, наш герой, приняв дозу успокоительного спиртного, усаживался возле голубого экрана и запоем глотал всю преподносимую ему телеинформацию, активно участвуя в жизни страны. Сидя перед телевизором, он не только подсказывал правительству как надо правильно работать, но и даже смело делал в нём кадровые перестановки.

Особенно от Николая Петровича доставалось западным империалистам, которые постоянно лезли на его «русскую» землю и пытались у него отобрать не только шесть соток огорода, но и даже двухкомнатную угловую квартиру вместе с велосипедом. То есть отобрать у него всё, что он с таким трудом за всю жизнь нажил.

Очевидно, иногда засыпая под монотонный «диалог» с комментаторами, он утром выдавал всю впитавшуюся за ночь информацию за свою и в дискуссии с окружающими боролся за каждое сказанное им слово не на жизнь, а на смерть.

Неоднократно ошибаясь в выборе политических лидеров и явно неся большие убытки, наш герой стойко шёл до конца, путая одержимость с упертостью, которая со стороны выглядела как маразм.

Но произошёл случай полностью перевернувший его мировоззрение и взгляды, которые вычеркнули из жизни упрячество и алкоголь.

Дело было так: к вечеру, поехав на своём «Драконе» с посёлка Приморский на огород покормить живность, которую он там разводил, Николай Петрович загулял. Так как дело было седьмого ноября, а это как известно дата свершения Великой Октябрьской революции, то она с утра не только не давала ему покоя, но и целый день подогревала желание выпить. Всегда имея на огороде в загашнике (на всякий случай), наш страждущий не упустил эту возможность и слегка утолил навязчивое хотение.

Тут, как специально, невзначай подвернулся сосед, который не только поддерживал его взгляды о великих свершениях революции, но и в желании это дело отметить. Подбадривая с каждой рюмкой друг друга, вспоминая быль и небылицы прожитых лет, они не заметили, что начало вечереть. Как известно, в таких случаях расставание старых знакомых, вдруг ставшими друзьями, быстро не произошло.

Николай Петрович прикинув, что срезать дорогу по полной темноте в этот раз ему не удастся, принял твёрдое решение ехать по трассе.

Дальше он ничего не помнит.

В это время два кореша по бизнесу Денис и Олег, сидя в кабине грузового фургона «Форд», неслись, подгоняемые свободой и предвкушением больших денег, по трассе Керчь – Феодосия.

Обсуждая сделку, которая должна состояться в Одессе, они вдруг увидели блеск катафот вертящихся по инерции колёс велосипеда, а затем и фигуру лежащего на обочине «гонщика». Несмотря на молодость, будучи людьми добропорядочными, неиспорченными ни цивилизацией, ни деньгами, они остановились.

Увидев, что тело, перенёсшее свободное падение, которое не только подает признаки жизни, но и как часто в таких случаях бывает, ни капли не пострадало, бизнесмены решили подкинуть попутчика до ближайшего населенного пункта, каким являлся посёлок Приморский. Недолго думая, они загрузили велосипедиста и его транспорт в фургон. Но при въезде в данный населённый пункт машину остановила служба ГАИ, что сбило их с мысли и оставило путешественника с велосипедом в фургоне.

Только подъезжая к своей цели, то бишь к Одессе, друзья вспомнили о важном грузе, которым являлся наш многоуважаемый герой – велосипедист Николай Петрович Шумахов. Но было уже поздно.

Прикинув, что возиться с таким хлопотным грузом им не с руки, они перенесли его в придорожное кафе при въезде в город. Договорившись за энную сумму с официантом и, пообещав, что часа через три незваного гостя заберут, друзья – бизнесмены уехали по делам.

Закончив свои дела и помня об ответственности перед человеком, которого неумышленно завезли так далеко от места падения, Денис и Олег заехали в придорожное кафе за грузом, но тот исчез.

Официант заведения рассказал о странном поведении клиента, имея в виду Николая Петровича, который вышел из подсобки с велосипедом под мышкой и задал вопрос: «Где я?» Услышав ответ: «В Одессе», – велосипедист сделал круглые глаза и произнес: «Ни хрена себе куда меня занесло!» Затем он заказал сто пятьдесят водки, залпом выпил и, не закусив, скрылся в неизвестном направлении.

Не найдя пропавшего поблизости, друзьям по бизнесу осталось только вздохнуть, пожать плечами и продолжить свой путь. Хотя переживая, они долго всматривались в проезжающих мимо велосипедистов, ища среди них знакомого, к которому мысленно приросли.

Николай Петрович Шумахов так и не поняв, каким он образом оказался в Одессе, опять списал всё случившееся на свои скрытые резервы да высокое своё предназначение.

Но прикинув, что так крутя педалями по пьянке он может оказаться в более отдалённом месте от поселка Приморского, наш герой – велосипедист решил всё-таки больше не рисковать и на всякий случай совсем бросил пить.

Могу только добавить: если ты не способен выбрать свой правильный путь, то надо ехать по жизни не просто крутя педалями по проложенной кем-то дороге, но иногда останавливаться и думать, куда эта дорога тебя приведёт.

01.04.2014г.

Просто «Кино»

Командир хозяйственной части, майор Гусев, как и положено человеку его должности, был видным, тучного телосложения, с приземистыми взглядами да такими же выражениями и шутками, мужланом. И всем этим, как ни странно, он очень гордился. Но основной, никогда не скрываемой им гордостью, был его мощный командирский голос.

В силу своего положения и скверного характера, майор Гусев не терпел возражений. В связи с тем, что подчинённые, заглядывая ему в рот и не смея перечить, ловили каждое произнесённое им слово да улыбались каждой самой нелепой его шутке, в нём утвердилась мысль, что он красноречивый оратор и непревзойдённый шутник. Но были и осечки.

Как-то, воскресным летним днём, в наш полк был привезён новый допущенный цензурой фильм, и им лично тут же было принято твёрдое решение провести культурно-массовое мероприятие – просмотр этой киноленты. Тем самым он решил устроить личному составу в выходной своего рода праздник.

После построения на плацу нашего подразделения командир хозяйственной части торжественно объявил об этом решении, и не дожидаясь слов благодарности, дал команду, соблюдая дисциплину, заходить в зал. Судя по его искромётной, полной различными словесными поворотами речи, в которой временами проскакивали плоские шутки, настроение у майора Гусева в тот день было не просто хорошее, а отличное. Казалось бы никто и ничто не может его испортить.

А вот в связи с тем, что его решение было стихийным и у многих были свои планы на выходной, у них естественно настроение оказалось неисправимо испорчено. Да и у кого таких планов не было, то они не очень горели желанием заходить со свежего воздуха в прогретое солнцем, душное, построенное на скорую руку помещение клуба гарнизона. Но приказ, есть приказ.

Пытаясь хоть что-то урвать от испорченного дня, некоторые дурачась, начали пробиваться в проход зала первыми, стремясь занять выгодные места и при этом превращая обычную суету в давку. Но там их ждал сюрприз. Большая часть зала уже была заполнена другими, и их удивление перешло в открытое возмущение, которое выразалось звуком: «У-У-У-У!»

Как только личный состав занял свободные места, тут же был выключен свет и настала полная тишина. Все с нетерпением ждали компенсации за испорченный день, а может быть даже чудо под названием «Кино», как вдруг открылась дверь и в её проёме появилась неповторимая фигура майора Гусева.

Очевидно желая подчеркнуть, что он главный затейник этого праздника жизни, и при этом наверное надеясь всё-таки услышать хоть какие-нибудь слова благодарности, инициатор не успокаивался и продолжал бродить, как «Медведь Шатун», будоража весь личный состав части. Зайдя с солнечной улицы и попав кромешную тьму с полной тишиной, он получил секундную растерянность.

Чтобы никто из присутствующих не засомневался в том, что наш командир хозяйственной части в любой ситуации не теряет чувство юмора, он своим мощным командирским голосом произнёс: «Темно как у негра в жопе!» На сколько же ему самому понравилась своя шутка, что он не удержался и, наслаждаясь самим собой, таким же мощным голосом захохотал: «Ха! Ха! Ха!»

После того, как непревзойдённый шутник от души обхохотался, видимо в предвкушении истеричного смеха от его шутки всего зала, настала гробовая тишина с соответствующей сюжету паузой. Но тут произошло непредвиденное. Из темноты зала, словно из преисподней, громом с чистого неба, грянул полностью дублирующий майора Гусева голос, который произ-

нёс: «И всё-то ты знаешь, и везде-то ты был! – при этом не забыв повторить его: – Ха! Ха! Ха!» И тут, зал словно прорвало и он закатился в истерике хохотом.

Единственное, что я могу добавить к этому рассказу, что из всех тогда присутствующих на просмотре этого фильма так никто не только не проникся сюжетом этой киноленты, но даже и не узнал, как она называлась. А получилось так потому, что под чётким руководством командира хозяйственной части майора Гусева все зрители следующие два часа подряд занимались на плацу строевой подготовкой. Может быть занятия продлились и дольше, да ужин помешал.

Мне лично этот фильм очень понравился, и я его для себя назвал просто «Жопа». Вроде бы и не прилично, но зато широко, с размахом, по-русски. Ведь разве кино может быть ярче и интересней самой жизни? Я считаю никогда!

Этот рассказ приурочен к дате 23 февраля, и посвящён нашей доблестной армии, благодаря которой мы живём в мире с чистым небом над головой. Спасибо!

18.02.2015г

Шутка

Когда мне было четырнадцать лет, в СССР, где я тогда жил, из всех существующих средств массовой информации неутомимо освещались достижения, превосходство и особенно непобедимость социалистического строя. Так как в некоторых семьях не было даже радио, то партия и правительство тратило громадные народные средства для того, чтобы донести эту информацию тому же народу другими способами.

Таким образом, как по «щучьему велению» всюду появлялись агитационные плакаты, стенды, и неизменный Ленин, твёрдой рукой указывающий путь, по которому всем необходимо идти.

Так как таких Лениных было множество, и все они указывали различные направления, то мы, подрастающая молодёжь, не забывая головы играми взрослых, занимались своими более серьёзными делами: бегая с луками, самопалами и строя земляки – готовились к третьей мировой войне. Ведь ежедневно трудиться на земле это так скучно, а на войне по врагу с винтовки «бац» и ты уже Герой. Тогда все фильмы, которые нам «крутили» в ДК, твердили, что именно так оно и будет.

В связи с этим, все или почти все хотели быть если не космонавтами, то в худшем случае военными лётчиками. Тех, кто не хотел ходить в школу, родители пугали: « Не будешь учиться, останешься в колхозе коровам хвосты крутить». Ведь уже тогда пахать на земле было не модно, а вот шашкой махать – вот это совсем другое дело.

Но неожиданно по указанию партии и правительства в стране начался бум под названием БАМ. В школы начали поступать директивы об обязательном освещении учащимся основных достижений этой масштабной стройки, из которых я вдруг узнал, что ещё есть Герои труда. Так как достижений и героев было много, нас ежедневно целыми уроками выматывали какими-то большими цифрами и фамилиями людей, свершивших там великие трудовые подвиги.

В связи с тем, что цифры были ничем не подтверждённые, а люди невидимые, то всё это не лезло нам в головы и наводило на нас дремоту со скукой. Чтобы не заснуть и не умереть от тоски, мы начинали просто «валять дурака». Один пример такого валяния тех лет я вам сейчас приведу.

Это было 8 октября 1976 года. После инкубационного периода пионеров настал новый, под названием Комсомол. Нас заведомо и тщательно готовили к (Великой) миссии вступления в его ряды.

Может быть кто-то и проникался идеологическими лозунгами, историей и свершениями ВЛКСМ, но лично меня всё это раздражало. Вся эта процедура была очень похожа на представление с заранее подготовленным сценарием и расстановкой ролей – театр и только. Мы были невольными актёрами массового спектакля устроенного для самих себя взрослыми, и мне это уже тогда казалось унижительным.

Выучив наизусть историю ВЛКСМ и одев белую рубашку с повязанным на воротник алым галстуком, я отправился с одноклассниками в районный центр, покорять очередную мыльную вершину. Так как «желающих» из разных школ было много, церемония несколько затянулась.

Пионервожатые бегали за привезёнными группами, как квочки за цыплятами, и кричали: «Ребята только не расходитесь! – или, – Ребята, держитесь вместе!» – боясь, что не выдержавшие долгого ожидания несознательные малолетние очередники разбредутся по районному центру под названием Кировское. Короче говоря, был бардак и хаос, от которого все уже лично устали.

Кому повезло быстренько пройти приёмную комиссию, вскоре выбежал из здания Райкома Комсомола с галстуком в руках, что обозначало – «Проскочил!» Это очень раздражало пионервожатых, которые неумолимо всем объясняли, что смена галстука на значок будет только после определения комиссией достоин ты высокого звания комсомолец или нет. И с каждым «вылетом» очередного кандидата с галстуком в руках они называя фамилию, кричали: «Иванов, а ну быстренько одел его обратно!» – что очень заводило всех остальных.

И вот настала моя очередь. Зная наизусть всё о наградах комсомола, которых было шесть, я решил поиздеваться.

Зайдя в зал, где заседала уставшая от монотонности процедуры приёмная комиссия, я лихо ответил на вопросы о истории, героического и легендарного ВЛКСМ.

И когда задали вопрос:

– Сколько у него наград и какие? –

я так же лихо ответил:

– Семь!

Председатель комиссии с ухмылкой спросил:

– И за что же дали седьмую?

Я чётко, не запинаясь и не моргнув глазом, ответил:

– За БАМ.

Председатель уже более серьезно:

– И какую?

Я не вздрогнув:

– Орден Ленина.

Председатель уже привставая с кресла с округленными глазами и каплями пота на лбу, дрожащим голосом:

– Когда?

Я с полной уверенностью в голосе:

– Вчера.

Настала пауза, то ли от шока, то ли от представления, что будет дальше.

Тут я решил их добить и спросил:

– А вы, что радио не слушаете?

Меня срочно попросили выйти. Быстро удалившись, я представлял, какая паника разразилась на тонущем корабле по имени Комсомол. Представляете, пацан с глубинки знает об очередном награждении, а члены комиссии во главе с её председателем, который явно был коммунистом, нет. Получается, что принимали в комсомол не владея информацией, а это ЧП. По тем временам это была катастрофа!

Так я своей выходкой, на целых полчаса заблокировал работу центральной районной комиссии ВЛКСМ, члены которой, звоня во все инстанции, выясняли правдивость поступившей им информации. Я был морально удовлетворён, хотя дома от отца – коммуниста получил приличную взбучку.

Строительство Байкало-Амурской магистрали затянулось, и седьмой награды за БАМ комсомолу так и не дали.

01.04.2015г.

Проповедник

Один раз, как-то «случайно» попав в нашу местную стационарную больницу, я задержался там на довольно долго – на целых полтора месяца. За это время в палате, где мне пришлось проходить курс лечения, постепенно подобрался довольно сплочённый, весёлый коллектив примерно моего же возраста. Одним словом, ни остальным больным, ни обслуживающему персоналу с нами тогда там было нескучно.

Как-то ночью, также «случайно», медсестры к нам подселили очередного пациента, при этом уважительно называя его Николаем Петровичем. Некоторое время, безучастно слушая наши разговоры, этот больной только тяжело вздыхая кряхтел, кашлял и от испытываемого напряжения произвольно выпускал газы – выдавая всем находящимся вокруг своё дерьмовое внутреннее состояние.

Лишь только один раз в перерыве между этими занятиями Николай Петрович (видимо уже исповедуясь) признался нам, что когда его в этот раз «прихватило», то он ремонтировал крышу на церкви и оттуда нашего исповедуемого снимал лично сам батюшка.

Прошло время, и после определённых хлопот врачей, постепенно отойдя от гипертонического криза, этот больной заговорил. Его потянуло на философию и откровения. «Знаете, ребята, ведь Бог есть», – произнёс неожиданно Николай Петрович, с видом блаженного.

Все присутствующие в палате приутихли, прислушиваясь к словам этого превышающего их в возрасте и, казалось бы на первый взгляд, мудрого человека. Но заговоривший, со значимым видом посматривая на аудиторию, сделал таинственную многообещающую паузу.

И, убедившись, что все присутствующие прониклись изречённым, он, чтобы донести слушателям правдивость им сказанного, уже с гордым видом настоятеля начал свой рассказ: «Я ведь раньше тоже не верил, но расскажу вам ребята один произошедший со мной случай, который полностью перевернул моё мировоззрение».

Видимо, то ли от испытываемого волнения, то ли взятого высокого тона голоса, лицо его после этих слов сильно покраснело и ему, прокашлявшись, пришлось взять вынужденную паузу.

Но боясь потерять контроль над аудиторией, Николай Петрович тут же взял себя в руки. И пытаясь донести нам важность изречённого, он, уже снизив интонацию, с видом проповедника произнёс: «Как-то работая на здешнем мясокомбинате, я решил опохмелиться».

Все присутствующие настороженно переглянулись, наверное подумав: «При чём здесь это? Может у него опять, давление поднялось?» Но Николай Петрович не обращая на нас внимание, с тем же невозмутимым видом вымолвил: «Помню мне в то утро хреново было. Да так хреново – даже хуже чем сейчас».

Сурово посмотрев на наши лица и поняв, что мы всё-таки начали проникаться драматизмом того так тяжело начавшегося дня, он продолжил:

– Иду я на работу, а меня бросает со стороны в сторону – словно маятник. В голове только одна мысль: «Как бы опохмелиться». Мы ведь с моими корешами в прошедшую ночь одно дельце обмывали да так обмыли, что от стола прямо на работу пошли.

Так вот, иду я «никакой», как тут меня осенило: сегодня же смена моей Люськи, и она в охране на проходной стоит. Я быстренько к одному знакомому забежал и пузырь самогона у него в долг взял. Тот мне постоянно давал. Я ведь тогда на разделке туш работал, мясо всегда под рукой было, почему же такому нужному человеку в долг не дать, а мне ему в ответ кусок хорошей мясной вырезки не выделить да не вынести.

Выносил я нашу продукцию запросто, ведь Люська та, с охраны, у меня в любовницах ходила. Тут конечно и козе понятно, что взаимная у нас с ней тогда любовь была: у неё проходная – у меня мясо.

Так она на проходной глаза закрывает, что я с полной торбой прусь – глядишь и ей на халяву что-то перепадёт. Дети у неё тогда ещё совсем малые были, ведь как то же надо ей с ними выживать. Об наших отношениях даже моя жена знала, но молчала. А куда денешься, иначе на мели вся семья осталась бы. Вот из-за этого и молчала.

Короче говоря, на мне тогда не только моя, но и Люськина семья держалась. Если бы не я, то все они магазинными объедками пользовались. Ведь без меня они никто, без меня они никуда, – с гордым видом благодетеля, подчеркнул свою значимость для опекаемых семей сердобольный Николай Петрович, поглядывая на ожидавших продолжения рассказа слушателей.

Поняв, что вся присутствующая публика проявляет к его рассказу интерес, Николай Петрович окончательно ожил. И он, используя полную силу своего артистического таланта, в зависимости от передаваемого им сюжета, уже на ходу менял не только голос и общий вид, но и даже, мимику своего лица.

Теперь ему торопиться было некуда и, сделав очередную многообещающую паузу, рассказчик важно по индюшину напыжившись, продолжил:

– Моя Люська как увидела, что я иду через проходную «никакой» да ещё при этом из-за паузы бутылка выпирает, только глаза отвела да рукой махнула: мол, ладно проходи уже быстрее – должен будешь. Сама знает, что за мной не заржавеет. Ну я, конечно, быстренько проскочил, иду и думаю: «Хорошее это дело, когда у тебя на проходной любовница работает».

Припёрся я на работу и сразу в свою каптёрку ту бутылку занюхал, ведь не с ней же на рабочем месте показываться. Прошёлся по участку, вроде бы всё спокойно. Ребятам, своим, с бригады говорю: «Сейчас по одному делу быстренько смотаюсь и обратно приду». Они хоть и молодежь, но не совсем глупые были, видно поняли по каким я таким делам собрался идти, по моей физиономии что-ли не видно. Помню, ребята тогда мне только «уважительно» рукой махнули и предупредили: «Ладно, иди, только на глаза начальства не попадайся».

Знали ведь, что они без меня никто, без меня они никуда, – ненавязчиво подчеркнул свою значимость в коллективе Николай Петрович, продолжая свой рассказ:

– Так вот, иду и думаю: « С какими же я хорошими людьми работаю». Но тут у меня мысль появилась: ведь это не хорошо с утра выпивать без закуски, надо бы к Васильевичу на участок готовой мясной продукции зайти, его проведать и за одно колбаски прихватить.

Васильевич хоть там и начальником участка был, но тоже иногда моими услугами пользовался. Когда на него со стороны смотришь, то он начальник не приведи господь, зверь-зверем, а как ему какое-нибудь доброе дело сделаешь, да потом ещё с ним это дело и обмоешь – глядишь, оказывается душевный человек.

Он ведь в тот вечер тоже с нами в самом начале посиделки был, одно общее дельце обмывал, но у него ума хватило пораньше домой уйти. Мы же с моим корешем Андреем до утра задержались, бухали пока дно бутылки не увидели.

Подымаюсь к Васильичу наверх, дверь в кабинет дёрнул, а она открыта, захожу, а внутри никого нет. Тут до меня только дошло, ведь сегодня же понедельник, а в этот день он с утра у директора на планёрке околачивается. Видно Васильич туда так бежал, что даже с похмелья дверь за собой на замок забыл закрыть.

Смотрю, а у него на столе палка Докторской колбасы лежит. Трогаю, ещё тёплая, видно только с конвейера. Наверное, ему кто-то из ночной смены, с той партии, что делали «для своих», на пробу принёс, и не дождавшись его, ту колбасу на видном месте оставил.

Ну, думаю, на ловца и зверь бежит, видит Бог моё желание, и закуска сама ко мне в руки пришла. А Васильич обойдётся, с него не убудет, ему ещё принесут. Мне ведь она сейчас нужней. Да и вообще, кто такой Васильевич? Ведь без меня он никто, без меня он никуда, – подчеркнул свою значимость для начальника участка готовой продукции Николай Петрович.

Видя, что не все присутствующие прониклись понятием «для своих», он со знающим видом наставника с расстановкой начал объяснять:

– Для "Них" – это для высшего руководства.

После этих слов рассказчик прервался и со значимым видом ткнул пальцем в потолок.

А для тех, кто не понял, он таинственным шёпотом начал более подробно разъяснять:

– Для Кремля – это у нас специальная смена делала. Для "Своих" – это для начальников цехов, мастеров, их родственников и других приближённых лиц, мы делали в зависимости от рангов. Какие ранги – такое и качество. А для "Себя", каждая смена делала, – казалось бы уже закончил свои пояснения Николай Петрович.

Но наслаждаясь самим собой, он переведя дух, опять продолжил свою колбасную тему:

– У нас ведь на каждом предприятии для Своих и для Себя что-то делали. А такая честь, как изготовлять для Них не каждому предоставлялась. Её надо было ещё заслужить. Так мы бывало с теми организациями, что для Себя и Своих что-то делали, товарообмен производили. Они нам свою продукцию для Себя и Своих, а мы им свою. И всем от этого хорошо было.

Ну, а после того как мы все эти колбасы сделаем, народу изготовляли из того, что осталось. Одним словом, из объедков. Я такую сам не ел и своим домочадцам строго запрещал. Раз попробовал – такая гадость! У меня даже кошка с собакой её есть брезговали. Подойдут, понюхают, покривятся и уходят – чувствуют что-то не то. А народ ел, а куда ему деваться, если на прилавках другой нет.

Колбасу для "Них" у нас специальная смена из отборного сырья строго по технологии изготовляла. Я ведь там всё время при этих делах был: на разделке туш и отборке мяса работал. Ведь без меня они никто, без меня они никуда! – подчеркнул повышенным тоном голоса свою государственную значимость Николай Петрович.

И он уже с государственным значимым видом, продолжил свой рассказ:

– Были, конечно, у нас молодые специалисты, которые приходили сразу после техникумов да училищ, но куда им до меня. Негибкие они какие-то, заторможенные. В таком деле талант и полёт мысли нужен, а они лишь только по книжкам колбасу делать умеют. Одним словом, зубрилы и никакого творческого подхода к делу у них нет, не говоря уж о фантазии.

Помню, тогда наше руководство та молодёжь здорово раздражала. Так оно ко мне на первое время этих молодых приставляло, чтобы я научил их как надо правильно работать. Начальство так мне и говорило: «Что с этих молодых взять? У них ведь только ноги, чтобы бегать, а у тебя Петрович голова, чтобы за них думать. Так что надежда Петрович только на тебя». Понимали ведь, что без меня они никто, без меня они никуда! – подчеркнул интонацией свою значимость для начальства Николай Петрович.

Поняв, что его в этом рассказе сильно занесло в сторону, он на время притормозил своё повествование и вспомнив, на чём остановился, продолжил:

– Взял я тогда ту палку колбасы да сразу за пазуху к себе положил и в свою каптёрку пошёл. Душа ведь горит, а тело просит.

Прихожу туда и тут же бутылку с самогом проверил. Мало ли что, может без меня кто-то её из моих забулдыг спёр? Рукой трогаю, чувствую – стоит моя родная, никто не тронул, знают, что дело со мною будут иметь. Понимали ведь: без меня они никто, без меня они никуда, – гордо подчеркнул свою значимость для своих корешей Николай Петрович.

И уже не обращая на нашу реакцию никакого внимания, его понесло:

– Ну я дверь изнутри на замок закрыл, колбаски быстренько нарезал и полстакана своего спасательного лекарства налил. Смотрю, а ведь стол у меня царский получился: самогон, колбаса и хлеба кусок. Что ещё нормальному человеку для полного счастья надо?

А жажда всё мучает, ведь организм не железный, своё требует. Так я, чтобы его долго не томить, те полстакана, залпом сходу взял и опрокинул. Сколько же можно над собственным организмом издеваться?

Самогон сразу, как родной пошёл. Я колбасой закусывать, а она не идёт. Не лезет в рот и всё, хоть убей. Я вторую дозу своего лекарства наливаю, но уже попопней. Опять такая же

ерунда. Самогон бальзамом аж до души добрался, а колбаса поперёк горла встала. Что за хрень такая, чтобы колбаса "для Своих" да в рот не лезла, никогда такого не было?

Закурил я, сижу и думаю: « С чего бы это? Может, кто вздумал мастера Васильевича отравить, а я её с дуру взял и схватил? Надо бы, проверить».

Взял я один кусок той колбасы и своей любимой крысе – Ларисе Николаевне кинул. Она у меня там в углу под полом жила. Я ту крысу в честь нашей директрисы мясокомбината так назвал, уж очень они были похожи, словно сёстры родные.

Обычно Лариса Николаевна на мои угощения быстро реагировала, а тут вышла, понюхала, носом поворотила и обратно к себе домой, в дырку. Значит, думаю, и ей что-то не понравилось. Видно точно кто-то решил Васильевича отравить.

А тут вдруг моя Лариска опять вылезла, тот кусок колбасы хватить и к себе затащила. Не пойму, что же сегодня за хрень такая творится? Ну я тогда ещё полстакана своего лекарства выпил, но заел только лишь хлебом. Мало ли что?

И тут на меня прозрение нашло, словно с небес озарило: ведь сегодня же пост начался, а я грешу – колбасу ем. Видно долго боженька за мной наблюдал да терпел, но в конце-концов даже у него терпение лопнуло, и он, не выдержав, лично сам взял под контроль эту ситуацию. Ведь Бог всё видит.

Так я, то ли в связи с этим обстоятельством, толь со злости, остаток той колбасы своей крысе в угол взял да швырнул. Ведь столько своего драгоценного времени на неё потратил и организм свой зря мучил. Может хоть Лариска её съест, ей же пост по барабану. Хотя, кто его знает, ведь крысы – твари умные да хитрые? Не зря же я её в честь нашей директрисы назвал?

После того как я ту колбасу крысе бросил, у меня аж на душе полегчало, как будто гора с плеч. Так не дал мне боженька тот страшный грех свершить. Ведь он есть, и всё видит.

После этого мне так хорошо стало, что я лёг на часок отдохнуть да так, как младенец, до обеда и проспал. Проснулся, как новорождённый. Правда работал кое-как: видно измотался весь со всеми этими проблемами, но тем не менее про свою Люську с охраны не забыл. Я ей хорошую вырезку сразу отложил, чтобы за текущими делами не забыть.

Помню, мы с ней в тот вечер хорошо посидели, но без мясного, ведь пост же. Зачем лишний раз грех на душу брать. Я тогда до поздней ночи у Люськи задержался. Что сделаешь – помоложе был, не то, что сейчас.

А мой кореш – Васильевич до сих пор в мастерах ходит и не знает, кто его тогда от греха уберёт. Может, он потому до сих пор в начальниках и продержался, что я ему ту колбасу тогда съестить не дал. Кто его знает – наверное, только лишь Бог?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.